

ББК 28.088

УДК 581.5

И. В. Андреева, Д. В. Черных

Изучение пространственно-временных особенностей трансформации системы территориальной охраны природы в бассейне р. Иртыш*

I. V. Andreeva, D. V. Chernykh

Studying the Spatial and Temporal Characteristics of the Transformation of the Territorial Nature Protection System in the Basin of the Irtysh River

Представлены концептуальные направления исследования трансформации системы территориальной охраны природы в трансграничном бассейне р. Иртыш. Выделены исторические этапы, различающиеся направленностью освоения и преобразования природы. Современные политические границы рассматриваются в качестве одной из пространственных детерминант проектирования трансграничной экологической сети.

Ключевые слова: территориальная охрана природы, особо охраняемые природные территории, экологическая сеть, исторический аспект.

DOI 10.14258/izvasu(2013)3.2-01

Территориальная охрана природы представляет собой сложный многоаспектный природно-социокультурный феномен, в современной терминологии облакаемый в такие понятия, как «особо охраняемые природные территории», «экологические сети», «экологические каркасы» и др. В современном виде территориальная охрана природы существует немногим более 100 лет. В то же время на протяжении всей истории человечества различные ее формы находили отражение в мировоззрении и повседневной жизнедеятельности людей.

Трансформация взглядов на территориальную охрану природы в том или ином регионе с течением времени происходила через призму социокультурной среды: уровень развития общества, его традиции, обычаи, религиозные представления, хозяйственные устои. В этой связи интересным представляется исторический анализ процесса формирования и развития системы территориальной охраны природы в отдельно взятом регионе. На этот процесс накладывают отпечаток особенности ландшафтной структуры, смена социокультурных систем, изменение политико-административных границ.

В качестве объекта исследования выбран бассейн р. Иртыш — часть обширного Обь-Иртышского

The paper presents conceptual directions in researching the transformation of the territorial nature protection system in the Irtysh transboundary river basin. It highlights the historical stages differing by orientation of the nature development and transformation. Modern political borders are regarded as one of the determinants of spatial planning of cross-border ecological network.

Key words: territorial nature conservation, protected areas, ecological network, historical aspect.

бассейна, — что объясняется рядом факторов. Во-первых, рассматриваемый речной бассейн представляет собой целостную природную систему субпланетарного масштаба, интегрируемую стоком воды; при этом сама речная сеть на разных участках и в разные временные периоды выполняла как барьерную, так и связующую функции.

Во-вторых, значительная часть территории бассейна находится в пределах единого ландшафтного региона — Западно-Сибирской равнины. Важность этого условия состоит в том, что ландшафтные регионы первичны по отношению к социально-экономическим, политико-административным и другим, так как они существовали до появления человека. Природные факторы в значительной степени влияли на расселение и хозяйственную деятельность, на формирование территориальных социально-экономических систем разного рода. К этому надо добавить значительно более высокую устойчивость природных систем как во времени, так и в пространстве. Природные факторы в большинстве случаев определяют опорный каркас первичных социально-экономических систем [1].

* Исследование выполняется в рамках интеграционного проекта СО РАН «Трансграничные речные бассейны в азиатской части России: комплексный анализ состояния природно-антропогенной среды и перспективы межрегиональных взаимодействий» № 23.

В-третьих, принадлежность территории к Сибири, и к Западной Сибири в частности, позволяет достаточно четко обозначить крупные временные периоды, характеризуемые относительной этнокультурной стабильностью: доколониционный, первичной русской колонизации, советский и постсоветский (современный), границы которых определяют переломные события в истории.

В-четвертых, данный историко-географический регион рассматривается как особый комплекс взаимодействующих и эволюционирующих с разной скоростью пространственных структур, связанных с жизнедеятельностью местных обществ [2]. При этом характер трансформации позволяет анализировать разные стадии развития как региона в целом, так и его отдельных частей. С современных позиций территориальная охрана природы представляет собой особый тип природоохранного хозяйства, что дает основания рассматривать ее как одну из подсистем социально-культурной системы. Последняя определяется Д. В. Николаенко [3] как тип социокультурного образования, доминирующий в социокультурной эволюции, характеризующийся большими размерами территорий и значимой численностью своего населения, имеющий оригинальные стандарты организации пространства, общества и государства и обладающий многими уникальными свойствами, благодаря которым драматически отличается от остальных социокультурных образований.

На территории Иртышского бассейна в разные периоды истории взаимодействовало несколько различных социокультурных систем (как минимум, три из восьми, выделенных и подробно охарактеризованных Д. В. Николаенко: варварско-кочевая, российская и мусульманская). Совершенно очевидно, что для них характерны разные модели пространственно-временной динамики освоения территории и принципиальные положения, описывающие логику преобразования ее пространства. Несомненно, что охрана природы, способы ее территориальной организации и особенности охранных режимов также в той или иной мере различаются.

Наконец, в-пятых, трансграничный характер Иртышского бассейна в современный период и связанное с этим запустение территории вдоль политических границ России и Казахстана (явления спонтанной эконетизации ландшафта по В. Л. Каганскому [4]) позволяет использовать результаты анализа пространственно-временной трансформации системы территориальной охраны природы для оптимизации пространственной структуры землепользования. Верховья Иртыша в пределах Китая на данном этапе исследования не рассматриваются.

Алгоритм исследования состоит из нескольких последовательных шагов, одновременно являющихся самостоятельными блоками:

1. *Обоснование укрупненных исторических этапов, различающихся направленностью освоения и преобразования природы.* За основу принята предложенная С. В. Рассказовым [2] периодизация развития пространственных структур общества Юго-Западной Сибири, под которыми понимаются, во-первых, физически отраженные в ландшафте города, дороги, пограничные военные укрепления, сельскохозяйственные угодья и поселения; во-вторых, опосредованно влияющие на облик и восприятие ландшафтов административно-территориальное деление, социальные и этнические группы и ареалы их обитания, фискальные и прочие установленные государством и локальными общинами границы и пр. Для целей проводимого исследования имеет смысл укрупнить предложенные С. В. Рассказовым 10 периодов пространственной динамики, объединив их в четыре в соответствии со спецификой природопользования, социокультурными и политическими рубежами (см. таблицу). В результате получены четыре этапа (информационных среза), соответствующие состоянию территории: 1) дорусский, характеризующийся отсутствием жестких политических границ и природопользованием, дифференциация которого подчиняется исключительно природным факторам; 2) этап русской колонизации — оформление границы, ее поступательное перемещение, волны освоения; 3) советский — окончательная институционализация границы (как внутренней этноадминистративной границы), интенсивное площадное и крупноочаговое освоение; 4) современный (постсоветский) — жесткая граница, актуализация понятий «приграничье» и «трансграничье», асинхронизация природопользования по обе стороны от границы.

2. *Выявление и характеристика концептуальных природоохранных представлений («использование — запрет использования» природных территорий) у этносов, населяющих территорию бассейна в разные исторические периоды.* Рассматривая взаимоотношения этнических образований с территорией, Л. Н. Гумилев [5] подчеркивал, что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта, и называл такой ландшафт вмещающим и кормящим ландшафтом. Развивая концепцию вмещающего ландшафта в контексте формирования системы территориальной охраны природы, можно констатировать, что различные части ландшафтов выполняют в жизни населяющих их народов неодинаковые функции. Так, на отдельные природные объекты, а иногда и на целые ландшафты населением по духовным или прагматичным причинам накладываются ограничения в режимах природопользования. Например, они признаются населением священными или культовыми местами. Как известно, многие сакральные места обеспечивают и сейчас надежную защиту участкам дикой природы.

Периодизация динамики пространственных структур и природопользования на юге Западной Сибири

По А. В. Рассказову		Определено авторами	
Название периода	Временной отрезок	Историко-географическая характеристика	Название периода
Автохтонное сообщество	XV–XVI вв.	Речное и лесное природопользование, «наезжие» или подсобное земледелие, нет четких границ, население тюрко-угорское.	Значимые черты хозяйствования
Первичная городская колонизация	1580–1620 гг.	Завоевательный поход Ермака, коренное население преобладает, пушной промысел, торговцы, первые военно-административные отряды и крестьяне. Общий уклад сохранен. Заложена модель сельскохозяйственного расселения в Сибири.	Экстенсивное маломасштабное традиционное природопользование: кочевое хозяйство, опирающееся на особенности природной среды.
Земледельческая колонизация	1630–1680 гг.	Обособление региональной группы русских: сибиряки, начало оседлого земледелия, создание первых укреплений.	
Военно-административное оформление границ	1690–1750 гг.	Горькая укрепленная линия — первая жесткая граница. Крупный земледельческий производящий район, начало системы военного разграничения и металлургического производства.	
Новая волна земледельческого освоения	1760–1800 гг.	Резкое различие в природопользовании: лесостепь вовлекается в общий ареал земледельческого уклада, в степи продолжает доминировать кочевое скотоводство, в горах — металлургия.	
Интеграция степной части ЮЗ Сибири	1810–1870 гг.	Степи населены казаками, кочевое скотоводство. Лесостепь — русские, аграрно-промышленное производство. Горы — горнодобывающая промышленность и металлургия.	1630–1918 гг.
Первая волна индустриализации	1880–1918 гг.	Строительство Транссиба, рост крестьянского переселения, сдвиг и пресинг коренного населения. Дифференциация: подтайга и южная тайга — лесное хозяйство, лесостепь — земледелие, степь — скотоводство, горы — металлургия.	
Ранняя командно-административная модернизация	1918–1950 гг.	Ярко проявляется дифференциация «центр-периферия». Появляется и поддерживается административная и экономически этно-государственная граница, восходящая к хозяйственным укладам разных ландшафтных зон (природным барьерам).	Максимальная степень вовлечения территориальных и миснеральных ресурсов, крайняя степень измененности природных комплексов.
Экстенсивная индустриализация 2-й волны	1950–1990 гг.	Агропромышленное освоение целинных и залежных земель Северного Казахстана, ресурсно-промышленное освоение Среднего Приобья. Масштабная нефтедобыча.	1918–1990 гг.
Регионализация	1991 — наст. вр.	Разделение на северную и южную части, восходящее к этническим границам, а через них к факторам существования зависимых от природных условий доиндустриальных обществ. Более ярко проявляются черты разделения «центр-периферия».	Высокая ресурсная зависимость всех сфер хозяйствования. Запустение приграничных территорий.

Социокультурные системы, выделяемые Д. В. Николаенко [3] для глобального уровня, в соответствии с региональным масштабом настоящего исследования требуют детализации. Так, в рамках российской социокультурной системы в пределах территории исследования, в том числе и по характеру взаимоотношения с вмещающим ландшафтом, дифференцируются (наиболее наглядно на втором этапе) великорусская, украинская, староверческая и казаческая подсистемы. Например, в трудах экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России отмечается существенное различие в отношении к лесу в местах, заселенных малороссами и великороссами [6]. В то же время главными занятиями казачества были скотоводство и торг с киргизами (казахами), а не земледелие [7].

Мусульманская социокультурная система в регионе также неоднородна, дифференцируясь на казахскую и татарскую подсистемы.

Коренное население Западной Сибири по своим взаимоотношениям с природой существенно отличалось от пришлого населения, сохранив некоторые традиции до настоящего времени. Например, у угров многочисленны священные природные объекты, которые чаще всего приурочены к возвышенным местам: высоким дюнам и берегам рек, мысам и густо заросшим островам рек, сухим островкам среди болот. Большую роль в традиционном мировоззрении угров играли и продолжают играть священные деревья [8]. В то же время А. Ф. Миддендорф, например, отмечал в верховьях Оми охотившихся на одних и тех же угодьях барабинцев и угров (остяков или хантов). При этом остяки, по словам барабинцев, более всего содействовали истреблению лосей [9].

Таким образом, природоохранные представления народов, населяющих территорию бассейна р. Иртыш, служат основой пространственно-временной организации системы территориальной охраны природы.

3. Картографическое отображение охраняемых природных территорий на границах исторических этапов. Визуализация территориальных сетей охраны природы, прежде всего в форме картографических произведений, является важнейшей задачей прикладных географических исследований и практической природоохранной деятельности. В настоящее время картографическую обеспеченность данного направления природопользования в регионе можно считать относительно благополучной. Наряду с региональными картами, выполненными, однако, в отсутствие единой идеологии и унифицированной формы при малой информативности (например, о природной структуре), существуют обобщенные по федеральным округам констатирующие карты особо охраняемых природных территорий, в том числе карты на Уральский и Сибирский федеральные округа, включающие территорию проводимого исследования. Карты выпол-

нены и представлены на сайте Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского (www.vsegei.ru). Данные карты являются достаточной основой создания карт территориальных природоохранных сетей бассейна р. Иртыш, иллюстрирующих современный этап в исследованиях.

Трудности визуализации схем территориальной охраны природы на более ранних этапах неизбежны из-за недостаточности исторической картографической информации природоохранной направленности. Одна из причин этого — отсутствие институционального статуса у территориальной охраны природы в отдаленные исторические периоды. Данная ситуация частично может быть компенсирована с помощью ретроспективных карт (своеобразных карт-гипотез). Например, из литературных источников известно, что в 1877 г. генерал-губернатор Западной Сибири, озабочившись сбережением в степи лесов, предложил лучшие лесные дачи в Акмолинской области вырезать в «заказники», вследствие чего такие дачи были вырезаны в Кокчетавском и Акмолинском уездах общей площадью 24,746 дес. 820 саж. В них запрещены были киргизам не только свободное пользование лесом, но и пастьба скота [10]. И хотя, к сожалению, большинство планов на заказники того времени были утрачены, отдельные схемы, а также описания, по которым можно восстановить границы, сохранились.

4. Рассмотрение современных политических границ как одной из пространственных детерминант охраны природы, проектирование трансграничной экологической сети на основе имеющегося опыта и методических подходов, используемых в территориальном планировании и формулирование предложений по оптимизации пространственной структуры землепользования с учетом современных природно-экологических, социально-экономических и геополитических условий.

Представление о наиболее важных (ценных) элементах территориальной структуры региона традиционно реализуется в виде ряда каркасов, которые состоят из таких элементов, как опорные центры, ареалы, оси и коридоры [11]. В научных разработках и проектных документах используются понятия «экономический каркас», «опорный каркас расселения», «урбанизированный каркас», «историко-культурный каркас», «транспортный каркас», «туристский каркас». Развернутую и аргументированную концепцию опорного каркаса расселения, например, разработал Г. М. Лаппо [12], который определяет его как сеть наиболее значительных поселений и связывающих их транспортных коммуникаций. Признание важной роли природных (ландшафтных) факторов в формировании пространственных структур общества обязывает выстраивать одновременно с ними и различные компенсационные системы. Последние объединены общим понятием «природные (экологические) карка-

сы» и представляют собой минимально необходимую совокупность экологически значимых природных территорий и объектов, обремененных режимными ограничениями и обеспечивающих целостность природных структур территории. По мнению Г. М. Лаппо [13], экологический каркас территории является своего рода антиподом опорного каркаса расселения.

Учитывая пространственно-временную непрерывность природных структур, экологический каркас на трансграничной территории должен выстраиваться без учета политико-административных рубежей. Последние должны выполнять лишь согласовательные функции. Поскольку внутренние приграничные территории почти не несут контактных функций, как правило, не играют сколько-нибудь значимой роли в экономике государств, вследствие чего мало нарушены, то могут рассматриваться как потенциальный источник экологических ресурсов и носитель экологических функций, например, место для новых особо охраняемых природных территорий [4].

Для современного этапа развития идей территориальной охраны природы вообще характерны тен-

денции перерастания национальных экологических сетей в макрорегиональные, охватывающие крупные природные регионы мира. Примерами таких образований являются европейская сеть «EuroMAB», совместная США и Канады «Northern Science Network», Центрально-Американская «CYTED Network», а также «East Asian MAB», «AfriMAB», «ArabMAB» и др. В горной части Обь-Иртышского бассейна Россией, Казахстаном, Монголией и Китаем поддержана и развивается идея Алтае-Саянского экорегиона. Сопредельные с ним равнинные территории, относимые также к трансграничным, включены в процесс в гораздо меньшей степени.

Теоретические выкладки, полученные в ходе анонсируемого исследования, важны как для развития теоретико-методических положений природоохранных исследований, так и для прикладных целей. Прикладные цели в данном случае предполагается связать с практической коррекцией трансграничных систем территориальной охраны природы и решением сопутствующих региональных проблем природопользования в бассейне Иртыша.

Библиографический список

1. Исаченко А. Г. Принципы историко-географического районирования (на примере северо-запада Европейской России) // Известия РГО. — 2013. — Вып. 1 (т. 145).
2. Рассказов С. В. Историко-географические особенности заселения и хозяйственного освоения юго-запада Западносибирской равнины // Известия РАН. Сер. геогр. — 2008. — № 3.
3. Николаенко Д. В. Социокультурные миры. Т. 1 : Пространственно-временная динамика социокультурных систем // Константы: Альманах социальных исследований. — 1998. — Спец. вып. I.
4. Каганский В. Л. Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Сер. географ. — 2012. — № 6.
5. Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. — 1972. — № 4.
6. Зелинский Ф. О. Растительность Кушмурунской волости Петропавловского уезда Акмолинской области // Труды почв.-бот. экспедиций по исследованию колонизационных районов Азиатской России 1909 года / под ред. А. О. Флерова. — СПб., 1910. — Вып. 2.
7. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. — М., 1905.
8. Хайруллина Н. Г., Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в этнокультуре ханты и манси // Социологические исследования: общественно-политический журнал. — 2007. — № 7.
9. Миддендорф А. Ф. Бараба (приложение к XIX тому Записок Императорской академии наук № 2). — СПб., 1871.
10. Из казенных лесов Акмолинской и Семипалатинской областей. — Омск, 1911. — Вып. I.
11. Яковлева С. И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский региональный журнал. — 2013. — № 15.
12. Лаппо Г. М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Сер. географ. — 1983. — № 5.
13. Лаппо Г. М. Городские агломерации СССР — России: особенности динамики в XX в. // Российское экспертное обозрение. — 2007. — № 4–5 (22).